

RU

Несобственно прямая речь в переводе (на материале русских переводов романа Г. Флобера “Madame Bovary”)

Карапец В. В.

Аннотация. Цель работы - на материале французских фрагментов романа Г. Флобера “Madame Bovary” и его девяти русских переводов выяснить, насколько изоморфно передаётся несобственно прямая речь (НПР). Научная новизна заключается в том, что на материале параллельных текстов разных лет рассматриваются способы передачи фрагментов с НПР оригинала с позиций изоморфизма. Согласно результатам, исходные фрагменты с чужой речью, выделенной курсивом, передаются в переводах, как правило, прямой или косвенной речью, или же курсив отсутствует. Напротив, фрагменты с НПР, где не указано авторство чужих слов, передаются в основном изоморфно. Наконец, НПР, передающая чужие мысли, передаётся с преимущественным сохранением формы оригинала, но и с использованием иных синтаксических средств.

EN

Free Indirect Speech in Translation (by the Material of Russian Translations of G. Flaubert’s Novel “Madame Bovary”)

Karapets V. V.

Abstract. The paper aims to determine the degree of isomorphism in the transfer of free indirect speech (FIS), using the material of French fragments from G. Flaubert’s novel “Madame Bovary” and its nine translations into Russian. Scientific novelty lies in the fact that the paper considers the ways of translating original fragments containing FIS from the standpoint of isomorphism, involving the material of parallel texts of different years. According to the results, the original fragments with someone else’s speech in italics are transferred, as a rule, by direct or indirect speech or without any italics in translations. On the contrary, the fragments containing FIS where the authorship of other people’s words is not indicated are transferred mainly isomorphically. Finally, the FIS that conveys other people’s thoughts is translated with the predominant preservation of the original form but also with the use of other syntactic means.

Введение

Явление несобственно прямой речи (далее – НПР; такое сокращение встречается, например, у В. Шмида (2008, с. 221)), которое лежит в том числе в области изучения проблем нарратива, вызывает интерес отечественных и зарубежных исследователей примерно с 1930-х гг. В русскоязычных лингвистических работах можно встретить различные способы как наименования, так и написания термина: несобственно прямая речь, несобственно-прямая речь, несобственная прямая речь; мы будем использовать первый вариант. Во французской же терминологии явление носит название *style indirect libre*. Итак, теоретической базой настоящего исследования послужили ставшие классическими работы Ш. Балли, Ж. Женетта, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, К. А. Долинина и др., а также иные работы разных лет: Б. А. Успенского, Е. В. Падучевой, Л. А. Соколовой, Н. С. Поспелова и др. В настоящее время явлению НПР также уделяется внимание. Так, о неугасающем к нему интересе свидетельствуют диссертации, которые регулярно защищаются на протяжении последних десятилетий. Вместе с тем работы, основывающиеся на одноязычном материале, неизменно более многочисленны, нежели работы, представляющие собой сопоставительные исследования, в частности рассматривающие проблемы перевода НПР (см., например, работы Ю. Д. Оюна (1998), Ю. В. Шарাপовой (2001), Е. Е. Беличенко (2006), А. В. Бровиной (2009), И. С. Жилиной (2014) и др. – мы упомянули лишь некоторые).

Наша работа вписывается, таким образом, в актуальную в настоящее время проблематику сопоставительных исследований на материале множественных переводов.

Итак, НПР представляет собой один из способов передачи, с одной стороны, «чужой речи» (наряду с прямой и косвенной речью), а с другой стороны, чужой мысли (например, в форме внутреннего монолога) и предполагает использование повествователем «субъективной позиции», т.е. точки зрения того персонажа, чьи слова или мысли передаются в тексте повествования или чьими глазами оно ведётся (Долинин, 2010). Изучая проблемы нарратива, исследователи колеблются при наименовании субъекта, ведущего повествование: он то ли повествователь, то ли рассказчик, то ли автор, то ли нарратор. Мы остановимся на первом термине; отметим, что в нарратологии не принято отождествлять повествователя и автора.

Исследователи задаются вопросом границы между традиционным нарративом и НПР в силу того, что последнюю не всегда просто идентифицировать «в чистом виде» (Падучева, 2010, с. 347); В. Шмид (2008, с. 236) также указывает на «завуалированность», «двухтекстность» НПР. А при анализе нарративных особенностей самой НПР неизбежно возникает вопрос идентификации носителя излагаемой в тексте точки зрения: не всегда возможно отделить друг от друга «голоса» повествователя и персонажа однозначно (Падучева, 2010, с. 352). Граница между ними представляется ещё более размытой в том случае, когда, например, глагол речи или мысли отсутствует; читаем об этом у Ж. Женетта (Genette, 1972): “...la différence essentielle est l’absence de verbe déclaratif, qui peut entraîner (sauf indications données par le contexte) une double confusion. Tout d’abord entre discours prononcé et discours intérieur... Ensuite et surtout, entre le discours (prononcé ou intérieur) du personnage et celui du narrateur” (с. 232-233). / «...основное отличие кроется в отсутствии декларативного глагола, что может повлечь за собой (если только нет контекстуальных указаний) двойную путаницу. Во-первых, между речью произнесённой и внутренней... А во-вторых, что более важно, между речью (произнесённой и внутренней) персонажа и повествователя» (перевод наш. – В. К.). На непрозрачность принадлежности текста (то ли повествователю, то ли персонажу) обращает внимание и Ж. Гард Тамин (Gardes Tamine, 2010): “...il (le discours indirect libre) n’est pas toujours décelable... Qui parle donc, le narrateur ou son personnage? Ce que l’on gagne en homogénéité, on le perd en ambiguïté” (с. 141-142). / «...НПР не всегда идентифицируема... Кто же говорит, повествователь или его персонаж? То, что текст выигрывает в плане однородности, теряется вследствие его неоднозначности».

Многие отечественные и зарубежные исследователи, затрагивающие явление НПР, отмечают его распространённость в художественных текстах, в частности Г. Флобера (Долинин, 2010; Падучева, 2010; Успенский, 2000; Genette, 1972; Gardes Tamine, 2010, с. 122, 141-142), не привлекая, однако, переводных текстов. Оговоримся, что в статье С. Курт (Kurt, 2002) рассматриваются способы передачи временных форм глагола во фрагментах с НПР с французского на русский языки и обратно на материале текстов Г. Флобера, Ги де Мопассана, Б. Виана, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Б. Л. Пастернака и др. Отечественные исследователи также изучают проблемы передачи нарративных схем в переводе (Разлогова, 2013). Наше же исследование сосредоточено именно на анализе фрагментов параллельных текстов и типах соответствий между ними (об изоморфизме в переводах см., например, статьи Е. Э. Разлоговой (2016), В. В. Карапец (2016)).

В качестве материала для статьи выступают фрагменты романа Г. Флобера (Flaubert, 2015) “Madame Bovary” и эквивалентные им фрагменты в 9 русских переводах. Речь идёт об анонимных переводах 1858 г., 1881 г., 1913 г. и 1938 г., переводах, выполненных Л. Г. (нам известны лишь инициалы переводчика) (1895), А. Г. Горнфельдом (1896), А. Н. Чеботаревской (1911) (Флобер, 2011), А. И. Роммом (1935) (Флобер, 2013а) и Н. М. Любимовым (1956) (Флобер, 2013б). Эти переводы принадлежат разным переводческим традициям. Отметим, что далее в примерах при указании авторства переводов мы будем для краткости использовать только первую букву фамилии переводчика: вместо Горнфельда – Г., Чеботаревской – Ч., Ромма – Р., Любимова – Л.

Были поставлены следующие задачи и выбраны методы исследования: 1) классифицировать французские фрагменты с НПР, отобранные из оригинала методом сплошной выборки; 2) проанализировать варианты передачи эквивалентных русских фрагментов с НПР с применением сопоставительного метода; 3) охарактеризовать нарративные «отступления» от оригинала с использованием аналитического метода; 4) выявить отличительные особенности идиостилей переводчиков на примере передачи НПР в рамках диахронического подхода и с учётом переводческой традиции, к которой принадлежали переводчики.

Французские фрагменты с НПР мы условно разделяем на две обширных группы:

1. Передача чужих слов:

1.1 передача чужих слов в виде цитаты, выделенной курсивом;

1.2 передача чужих слов без прямого указания на их принадлежность и без соответствующего графического оформления.

2. Передача чужих мыслей: НПР vs внутренний монолог.

Далее мы остановимся более подробно на каждой из обеих групп и в рамках каждой из них рассмотрим варианты переводов интересующих нас фрагментов с НПР. В первом разделе, включающем в себя два пункта, мы рассмотрим чужие слова в форме НПР, а во втором – чужие мысли.

Практическая значимость работы состоит в возможности подготовить на материале параллельных текстов банк примеров, которые иллюстрируют способы передачи фрагментов с НПР на русский язык и впоследствии могут использоваться, например, в пособиях по синтаксису французского языка, сопоставительной стилистике французского и русского языков.

Основная часть

1. Передача чужих слов

1.1 Передача чужих слов (которые содержат лексические «моменты», отражающие особенности идеологии, фразеологии, т.е. отчасти идиостилия того или иного персонажа) в виде цитаты.

а) Чужие слова оформлены в тексте оригинала сначала как косвенная речь, которая опознаётся по наличию глагола речи (или глагола «установки» (Падучева, 2010, с. 344)), а далее слова персонажа передаются курсивом. Например: *(Elle lui apprit à lire, et même lui enseigna, sur un vieux piano qu'elle avait, à chanter deux ou trois petites romances.) Mais à tout cela, M. Bovary, peu soucieux des lettres, disait que ce n'était pas la peine ! Auraient-ils jamais de quoi l'entretenir dans les écoles du gouvernement, lui acheter une charge ou un fonds de commerce ? D'ailleurs, avec du toupet, un homme réussit toujours dans le monde. (Madame Bovary se mordait les lèvres, et l'enfant vagabondait dans le village)* (Flaubert, 2015) (отметим, что здесь и далее, если не указано иное, в примерах во французском тексте жирным курсивом обозначены фрагменты, которые в тексте оригинала выделены курсивом).

В этом фрагменте слова господина Бовари-отца сначала вводятся с помощью глагола *dire* («сказать»), а затем приводятся без изменений, с сохранением, судя по всему, синтаксиса и пунктуации прямой речи. Кроме того, можно проследить переход точек зрения, но не с авторской на точку зрения персонажа, как это обычно бывает, а с позиции одного персонажа – госпожи Бовари-старшей – на позицию другого – её супруга. После завершения цитирования повествование вновь переходит к позиции повествователя. Приведём переводы этого фрагмента: *...но на все успехи отец не обращал никакого внимания, говоря, что у него нет средств содержать его в школе или достать должность по торговой части и что он сам должен прокладывать себе дорогу в свете* (1858). / *Но на всё это Бовари, мало заботившийся о науках, говорил, что не стоит тратить время, так как не было средств отдать его в школу или купить ему какое-нибудь место в конторе* (1881). / *Но на всё это г. Бовари, ни в грош не ставивший изящные искусства, твердил: «не стоит!» Разве будут у них когда-нибудь средства поместить его в какое-нибудь казённое училище или купить ему должность или торговое дело? К тому же, с «нахальством человек всегда пробы́ется в свете» (Л. Г.). / Но мосье Бовари, мало склонный к литературе, говорил, что всё это ерунда. Разве у них будут когда-нибудь средства содержать его в правительственной школе или купить ему должность или какое-нибудь коммерческое предприятие? К тому же, кто не даст себя в обиду, тот всегда пробы́ется (Г.; 1913). / В ответ на это господин Бовари, нисколько не увлекавшийся словесностью, говорил, что всё это «потерянный труд». Разве у них когда-нибудь хватит средств воспитать сына в казённом учебном заведении и купить ему должность или торговое дело? К тому же «бойкий человек всегда пробы́ется в жизни» (Ч.). / Но г-н Бовари об учёности заботился мало и говорил, что всё это ни к чему. Разве у них когда-нибудь хватит средств, чтобы содержать сына в казённой школе, купить ему должность или торговое дело? К тому же дорогу и так всегда пробить можно – только не плошай (Р). / Но г-н Бовари об учёности заботился мало и говорил, что всё это не стоит труда. Разве у них когда-нибудь хватит денег, чтобы содержать сына в казённой школе, купить ему должность или торговое дело? К тому же, дорогу всё равно всегда пробить можно – только не робей (1938). / Но г-н Бовари не придавал большого значения умственному развитию. «Всё это зря!» – говорил он. Разве они в состоянии отдать сына в казённую школу, купить ему должность или торговое дело? «Не в ученье счастье, – кто победовой, тот всегда в люди вы́дет» (Л.).*

Не акцентируя внимание на вариантах передачи *peu soucieux des lettres* («мало заботящийся об обучении»), не всегда точных, отметим, что в переводах 1858 г. и 1881 г. присутствует пересказ, т.е. курсив не перенесён; у Л. Г. первый курсив оформлен как прямая речь, а второй – с помощью кавычек; кавычки используются у Чеботаревской, тогда как у Любимова – прямая речь. Наконец, у Горнфельда, Ромма и в переводах 1913 г. и 1938 г. отсутствует какое-либо указание на чужую речь.

б) Чужие слова объёмом от словосочетания до более крупного фрагмента, выделенные курсивом, интегрированы непосредственно в повествование (т.е. вне косвенной речи) и образуют часть, как правило, сложного предложения, например: *...cependant madame Bovary mère semblait prévenue contre sa bru. Elle lui trouvait un genre trop relevé pour leur position de fortune ; le bois, le sucre et la chandelle filaient comme dans une grande maison, et la quantité de braise qui se brûlait à la cuisine aurait suffi pour vingt-cinq plats ! Elle rangeait son linge dans les armoires et lui apprenait à surveiller le boucher quand il apportait la viande. Emma recevait ces leçons ; madame Bovary les prodiguait ; et les mots de ma fille et de ma mère s'échangeaient tout le long du jour, accompagnés d'un petit frémissement des lèvres, chacune lançant des paroles douces d'une voix tremblante de colère* (Flaubert, 2015).

Приведём только перевод Любимова: *...Она считала, что Эмма «живёт не по средствам», что «дров, сахару и свечей уходит у неё не меньше, чем в богатых домах», а что угля жгут каждый день на кухне столько, что его хватило бы и на двадцать блюд. Она раскладывала бельё в шкафах, учила Эмму разбираться в мясе, которое мясники приносили на дом. Эмма выслушивала её наставления, г-жа Бовари на них не скупилась; слова «дочка», «маменька», по целым дням не сходявшие с уст свекрови и невестки, произносились с поджатými губами: обе говорили друг другу приятные вещи дрожащими от злобы голосами. Графическое оформление эквивалентных русских фрагментов имеет место далеко не всегда – лишь у Любимова они взяты в кавычки. Кроме того, только в переводах 1881 г., Л. Г., Чеботаревской и Любимова эквиваленты *ma fille* и *ma mère* («моя дочь» и «моя мать») либо так же выделены курсивом (в тексте 1881 г.), либо взяты в кавычки. Отметим, что одним из возможных способов «маркировать чужую речь», отделить её от слов повествователя, помимо графических средств, выступает использование частиц «дескать», «мол», «якобы» (Падучева, 2010, с. 342; Шмид, 2008, с. 223).*

Б. А. Успенский (2000) называет такие слова «словами-кавычками», «цитатными элементами». Однако в наших переводах таких случаев обнаружено не было.

Справедливо было бы возразить, что подобные фрагменты нельзя отнести к НПР, поскольку в них явно присутствует цитирование (Шмид, 2008, с. 224), однако представляется, что повествователь выделил курсивом не все чужие слова (например, *Auraient-ils jamais de quoi l'entretenir dans les écoles du gouvernement...?* или *...aurait suffi pour vingt-cinq plats !*). Кроме того, стоит обратить внимание и на сохранённую повествователем пунктуацию (восклицательный и вопросительный знаки), частично воспроизводящую прямую речь. Отметим, что К. А. Долинин (2010) анализирует фрагменты из романа Г. Флобера "Education sentimentale", также указывая на выборочное цитирование слов персонажа и на наличие кавычек, что в целом нетипично для НПР; тем не менее, эти средства «подчёркивают подлинность, дословность передачи».

В следующем примере курсив, который маркирует фрагмент, воспроизводящий, судя по всему, слова Шарля, включает в себя и местоимение-дополнение третьего лица: *Charles se traînait à la rampe, les genoux lui rentraient dans le corps. Il avait passé cinq heures de suite, tout debout devant les tables, à regarder jouer au whist sans y rien comprendre.* Приведём переводы только первой фразы: *Карл насилу передвигал ногами;* (1858). / *Шарль едва шёл, держась за перила. Ноги под ним подгибались* (1881). / *Шарль едва плёлся, у него подгибались колени* (Л. Г.). / *Шарль чуть не валился на перила, колени у него подгибались* (Г.; 1913). / *Шарль едва плёлся, держась за перила, не чуя под собою ног* (Ч.). / *Шарль еле тащился, держась за перила, – у него подкашивались ноги* (Р.). / *Шарль еле тащился, держась за перила. У него ноги подкашивались* (1938). / *Шарль еле двигался; он говорил, что «ноги у него не идут»* (Л.).

Интересно отметить, что ни в один перевод курсив не перенесён – только Любимов интерпретирует исходный фрагмент курсивом как цитату, использует кавычки и добавляет слова повествователя, отсутствующие в исходном тексте (приёмы *clarification* и *allongement* у А. Бермана (Berman, 1999, с. 54, 56)). Перевод Любимова наглядно демонстрирует неоднозначность границы между словами повествователя и персонажа, даже несмотря на наличие курсива в исходном тексте, который, видимо, можно также трактовать по-разному.

Таким образом, утрата графического или пунктуационного выделения в переводах приводит к определённым семантическим и нарративным потерям, когда авторство того или иного высказывания неочевидно и, следовательно, его можно неверно атрибутировать и истолковать. При соответствующем оформлении переводного текста, идущем вслед за оригиналом, сомнений в принадлежности высказывания, как правило, не возникает.

1.2 Передача чужих слов непосредственно, без указания на авторство и без соответствующего графического оформления.

а) Чужие слова (объёмом в пределах словосочетания) переданы без синтаксического согласования (подобные примеры у Флобера малочисленны). Например: *Mais Charles ne dissimulait rien. Il l'appelait ma femme, la tutoyait...* (жирный шрифт наш. – В. К.) (Flaubert, 2015). / *...он при всех называл Эмму своей женой, говорил уж ей ты...* (1858). / *Но Шарль не скрывал ничего: он звал её женой, говорил ей ты...* (1881). / *Шарль – тот ничего не думал утаивать. Он звал её «жёнущка», говорил ей «ты»...* (Л. Г.). / *Но Шарль не скрывал ничего. Он называл её жёнущка, говорил ей ты...* (Г.; 1913). / *А Шарль ничего не маскировал. Он называл её женой, говорил ей «ты»...* (Ч.). / *Но Шарль не скрывал ничего. Он называл Эмму своей женой, говорил ей «ты»...* (Р.; 1938). / *Но Шарль и не думал таиться. Он называл Эмму женой, говорил ей «ты»...* (Л.).

Подобная исходная передача слов Шарля создаёт впечатление либо намеренного смешения способов передачи чужой речи, либо некоторой небрежности. Такое употребление Е. В. Падучева (2010) квалифицирует как несоблюдение правила «перестройки дейктических отсылок» (с. 340), в данном случае лица притяжательного прилагательного, которое должно было быть заменено с первого на третье. Анализ переводческих решений позволяет выявить следующие способы передачи: использование кавычек («жёнущка» – единственный случай, Л. Г.), эквивалентное существительное с указанием принадлежности в третьем лице – «своя жена» (1858; Р.; 1938) или без указания принадлежности (все остальные переводы). В последнем случае особо отметим, что Горнфельд и автор перевода 1913 г. используют именительный падеж, который в сочетании с глаголом «называть» всё же требует постановки кавычек. Наблюдаемые переводческие «деформации» ("tendances déformantes", по А. Берману (Berman, 1999, с. 60)) можно охарактеризовать как своего рода сглаживание переводного текста – *homogénéisation*, особенно при употреблении переводчиками притяжательного прилагательного «свой».

б) Чужие слова большего объёма (от одной до нескольких фраз).

Если в примерах п. 1.1 графические средства позволяют более-менее чётко разграничить слова повествователя и персонажа, то в большинстве случаев курсив у Флобера, однако, отсутствует, как, например, в следующем фрагменте, где чужие слова (в данном случае – торговца Лёрё) никак не маркированы графически; при этом глагол речи присутствует: *Mais le marchand s'écria qu'elle avait tort ; ils se connaissaient ; est-ce qu'il doutait d'elle ? Quel enfantillage !* (Flaubert, 2015). / *Но продавец решительно отказывался, говоря, что они хорошо друг друга знают, что он в ней не сомневается, что это ребячество...* (1881). / *Но купец воскликнул, что это напрасно; ведь они не первый день знакомы, неужели же он ей станет не доверять? Какое ребячество!* (Л. Г.). / *Но лавочник воскликнул, что она несправедлива к нему. Они ведь знают друг друга; разве он не верит ей? Какое ребячество!* (Г.; 1913). / *Но торговец вскричал, что она его обижает, они не первый день знакомы; разве он может ей не доверять? Что за детская фантазия?* (Ч.). / *Но купец воскликнул, что это совершенно лишнее; ведь они друг друга знают; неужели он может в ней сомневаться? Какое ребячество!* (Р.; 1938). / *Но купец заявил, что*

это напрасно: они же знают друг друга, неужели он ей не поверит? Какая чепуха! (Л.) (эквивалентный фрагмент в переводе 1858 отсутствует).

Фрагмент начинается с классической косвенной речи, затем через точку с запятой приводятся слова явно самого персонажа; далее фигурируют вопросительное и восклицательное предложения, передающие эмоциональное состояние Лёрё. Что касается переводов, то в тексте 1881 г. весь фрагмент преобразован в косвенную речь (на частотность этого приёма указывает и С. Курт (Kurt, 2002, с. 494), отмечая, что косвенная речь в переводе вместо НПР в оригинале приводит к смене фокализации), что влечёт за собой синтаксические трансформации (в частности, использование гипотаксиса). В остальных переводах исходная форма изложения передана. Тем не менее, полного синтаксического и пунктуационного изоморфизма в переводах не наблюдается, вследствие чего нарративные особенности также частично теряются. Так, Горнфельд и автор перевода 1913 г. заменяют первую точку с запятой на точку; отметим, что разъяснительное значение, которое имеется здесь между клаузами с точкой с запятой, эксплицируется в русских переводах посредством частиц «ведь» и «же» (у всех, кроме 1881 г. и Чеботаревской). Первая точка с запятой сохранена у Л. Г., Ромма и 1938 г., тогда как у Чеботаревской заменена на запятую, а у Любимова – на двоеточие. Вторая точка с запятой сохранена у всех, кроме Л. Г. и Любимова, использующих запятую. Вопросительный и восклицательный знаки же по большей части сохранены.

Рассмотрим фрагмент, где вербальные действия первой жены Шарля сначала пересказываются повествователем, а затем её слова приводятся непосредственно: (*Et elle la détesta, d'instinct. D'abord, elle se soulagea par des allusions, Charles ne les comprit pas ; ensuite, par des réflexions incidentes qu'il laissait passer de peur de l'orage ; enfin, par des apostrophes à brûle-pourpoint auxquelles il ne savait que répondre*). *D'où vient qu'il retournait aux Bertaux, puisque M. Rouault était guéri et que ces gens-là n'avaient pas encore payé ? Ah ! c'est qu'il y avait là-bas une personne, quelqu'un qui savait causer, une brodeuse, un bel esprit. C'était là ce qu'il aimait : il lui fallait des demoiselles de ville !* (Flaubert, 2015). Приведём некоторые переводы слов госпожи Бовари: «К чему, например, спрашивала она: он до сих пор не прекращает своих визитов в Берто, тогда как старик Руо уже здоров? отчего они ещё с ним не расплатились? Всему этому, конечно, причиной известная особа-мастерица вышивать и вести умные разговоры, в которую он, вероятно, влюблён, потому что всегда был охотник до городских барышень...» (1858). / «Зачем это он всё норовит завернуть в Берто, когда Руо давно здоров? Благо бы деньги платили; а с них ещё ничего не получено. Ага! Причина та, что там есть одна особа – светская девица, учёная, рукодельница! Так вот чего ему нужно: ему понадобились городские барышни!» (Ч.). / *Зачем он продолжает ездить в Берто, раз г-н Руо выздоровел, а денег ему там до сих пор не заплатили? Ну да, конечно, там есть «одна особа», – она рукодельница, востра на язык, сходит за умную. Он этаких любит, ему городские барышни нравятся!* (Л.).

Прямая речь, задействованная в переводах 1858 г. (с добавлением слов повествователя) и Чеботаревской, маркирует, видимо, переход от пересказа к словам самой госпожи Бовари. У Любимова же в кавычки взято только одно словосочетание.

Таким образом, при наличии свойственных НПР нарративных особенностей, когда прямая речь непосредственно вплетена в повествование и которые, вероятно, расцениваются некоторыми переводчиками как «нарушения», переводы не всегда оказываются изоморфными. Напротив, в них наблюдаются трансформации, обусловленные, возможно, стремлением некоторых переводчиков «унифицировать» текст, в частности прибегнуть к традиционной прямой речи.

Итак, употребление чужих слов демонстрирует, что НПР является своего рода синтезом прямой и косвенной речи, «совмещением» текстов, принадлежащих повествователю и персонажу, где первый словно вытесняется вторым, то пропадая, то возникая вновь (про исчезновение повествователя, “disparition du narrateur”, см. следующие источники (Бахтин, 1975; Падучева, 2010, с. 345; Успенский, 2000; Шмид, 2008, с. 222; Долинин, 2010; Gardes Tamine, 2010, с. 141; Genette, 1972, с. 232)). По К. А. Долинину (2010), НПР представляет собой «средство изображения первоначальной речи “средним планом”, позволяющее не только кратко изложить её содержание, но и передать индивидуальный отпечаток, стиль, субъективную интонацию говорящего». А. Б. А. Успенский (2000) придерживается скорее «технической» трактовки НПР, упрощая тем самым её суть. По его мнению, промежуточное положение НПР позволяет преобразовать её – но не в абсолютном большинстве случаев – как в прямую (путём расстановки кавычек и опущения союзов), так и в косвенную (путём грамматического согласования) речь. Эти приёмы как раз наблюдаются в ряде переводов, но они выступают в качестве способов передачи НПР, не отражая её природу.

2. Передача чужих мыслей: НПР vs внутренний монолог

Изучение НПР подразумевает передачу не только чужих слов – оно неизбежно пересекается и с проблемой внутреннего монолога. Так, Е. В. Падучева (2010) констатирует, что «повествовательный текст незаметно переходит во внутренний монолог героя» (с. 344), где третье лицо – формальный показатель как классического нарратива, так и НПР – ведёт себя, скорее, как первое (с. 349). Поэтому такие фрагменты обладают специфическим синтаксисом: парцелляция (короткие фразы, синтаксически приближенные к прямой речи), пунктуационное оформление (восклицательные и вопросительные знаки, многоточия), повторы, междометия, выделительные обороты, стилистически окрашенная лексика (например, оценочная или разговорная). Подобный синтаксический облик фрагментов с НПР обусловлен и тем, что не все экспрессивно окрашенные высказывания возможно преобразовать в косвенную речь (с. 342). Тем не менее, отметим, что все эти черты в целом присущи не только мыслям, но и чужим словам, особенности которых мы рассмотрели выше.

Вопрос отделения или отождествления НПР и внутреннего монолога (*monologue intérieur*) представляет собой затруднение, которое лежит в одной плоскости с вышеупомянутой проблемой границы между словами повествователя и героя. Единого мнения по этому поводу не сложилось: некоторые исследователи различают НПР и внутренний монолог, например, Э. Дюжарден (Dujardin, 1931, с. 8), Ж. Женетт (Genette, 1972, с. 234), Ж. Гард Тамин (Gardes Tamine, 2010, с. 145), Б. А. Успенский (2000) и др., а некоторые, напротив, отождествляют: Е. В. Падучева (2010, с. 341, 396, 400), А. А. Андриевская (1967), В. Шмид (2008, с. 227), К. А. Долинин (2010) и др.

Прежде всего приведём доводы первых. По мнению Б. А. Успенского (2000), уподобление внутреннего монолога и НПР является упрощением: даже если точки зрения повествователя и персонажа идеологически совпадают, формально приравнять их слова, тем не менее, нельзя. Если при прямой диалогической речи повествователь обязан для объективности фиксировать слова персонажа без изменений, то в случае внутреннего монолога повествователь передаёт размышления и переживания героя, которые, очевидно, не всегда оформлены в сознании последнего в связный текст. Поэтому внутренний монолог героя нередко «обработан» повествователем, который является как бы редактором: он воспроизводит содержание, но придаёт форму. Те же рассуждения приводит и Ж. Гард Тамин (Gardes Tamine, 2010): «...il ne dépend pas de la capacité de verbalisation du personnage, puisque c'est le narrateur tout-puissant qui donne forme à ce qui est parfois informe» (с. 143). / «...он не зависит от способностей персонажа к вербализации, поскольку форму тому, что подчас лишено формы, придаёт всемогущий повествователь». Вместе с тем Ж. Гард Тамин признаёт неоднозначность трактовки явления внутреннего монолога: с одной стороны, очень часто он ведётся от первого лица, но с другой стороны, нередки и случаи употребления третьего лица (с. 145-146).

Однако сторонники другой точки зрения утверждают обратное. Так, в работе, посвящённой НПР в художественной прозе Луи Арагона, А. А. Андриевская (1967) рассматривает внутренний монолог, в котором при передаче «внутренней речи» персонажа происходит транспозиция повествователя, в качестве разновидности НПР: НПР словно «сливается» с внутренним монологом, образуя один художественный приём. По мнению В. Шмида (2008, с. 227), внутренний монолог (в его терминологии – «несобственно-прямой монолог») также приближен к НПР, поскольку они могут строиться по одному шаблону. Кроме того, В. Шмид оперирует понятием «несобственно-авторского повествования» (с. 231-233), где повествователь заимствует фразеологию персонажа, «максимально приближается к оценочному и языковому кругозору героя» (с. 233). Впечатление, что при этом повествователь стирается, «уходит со сцены», является, по его мнению, кажущимся, так как он остаётся ведущей фигурой повествования. Таким образом, можно считать, что повествователь и персонаж сосуществуют на всём протяжении текста (Падучева, 2010, с. 350; Шмид, 2008, с. 222), и это проявляется как раз на уровне выражения. Мы, в свою очередь, будем также придерживаться мнения, что явления НПР и внутреннего монолога в целом близки.

Прежде всего приведём пример, где внутренний монолог, который выстраивается в голове Эммы после известия о конфискации имущества и приводится в двух фразах, опознаётся по глаголу мысли *penser*: (*"Payer la somme totale de huit mille francs." Et même il y avait plus bas : "Elle y sera contrainte par toute voie de droit, et notamment par la saisie exécutoire de ses meubles et effets." Que faire ?... C'était dans vingt-quatre heures ; demain! Lheureux, pensait-elle, voulait sans doute l'effrayer encore...* (Flaubert, 2015). / *Что делать?.. оставалось только 24 часа... Но, думала она, Лэрэ, вероятно, хочет напугать меня...* (1858). / – *Что делать?.. Через двадцать четыре часа, – это значило завтра! Без сомнения, думала она, Лерё опять хочет испугать её* (1881). / *Что делать? Сказано, через двадцать четыре часа, – значит завтра! Лёрё, думала она, хочет просто попугать её* (Л. Г.). / – *Что делать?.. В двадцать четыре часа, завтра, стало быть. Ну, Лере, верно, просто хочет попугать её* (Г.; 1913). / *Что делать?.. В двадцать четыре часа; стало быть, завтра! Лере, подумала она, вероятно, опять хочет её пугнуть* (Ч.). / *Что делать?.. Через двадцать четыре часа: значит – завтра! «Должно быть, Лере снова пугает», – подумала она* (Р.). / *Что делать?.. Через двадцать четыре часа: значит – завтра! «Должно быть, Лере хочет снова попугать её», – подумала она* (1938). / *Что делать?.. Через двадцать четыре часа! Значит – завтра! Она решила, что Лере просто пугает её* (Л.).

Вопросительное и восклицательное предложения с многоточием принадлежат самой Эмме; видимо, поэтому в переводах 1881 г., Горнфельда и 1913 г. используется тире, вводящее прямую речь. Отметим, что точка с запятой сохранена лишь у Чеботаревской, а в остальных переводах она заменена иными знаками препинания. Наличие глагола мысли, а также использование местоимений третьего лица свидетельствует о присутствии повествователя, который со своего «места» передаёт мысли Эммы. Однако, несмотря на кажущуюся прозрачность нарративной ситуации, представляется, тем не менее, что именно наличие глагола мысли вносит логическую путаницу в некоторые переводы: при оформлении прямой речи наблюдается рассогласованность в употреблении местоимений. Изоморфная передача (эквивалентный глагол мысли «думала она» и местоимение-дополнение третьего лица «её») имеет место в переводах 1881 г., Л. Г. и Чеботаревской. У Любимова сохранена логика изложения, но выбран другой эквивалент для *penser* («она решила»). Ромм и автор перевода 1938 г. используют соответствующим образом оформленную прямую речь; при этом в варианте 1938 г. из-за употребления местоимения третьего лица («попугать её») складывается впечатление, что Эмма думает не о себе, а о другой женщине, тогда как в переводе Ромма эквивалентное местоимение-дополнение опущено. Наконец, в самом раннем переводе (1858 г.) использована, судя по смыслу, прямая речь (с местоимением первого лица «напугать меня»), но она оформлена не в соответствии с современными нормами пунктуации. Этот пример иллюстрирует наблюдение Ж. Гард Тамин (Gardes Tamine, 2010, с. 141) о заимствуемых НПР чертах как прямой, так и косвенной речи.

Текст романа изобилует примерами, которые можно отнести к «пограничным» случаям, где глагол мысли отсутствует. Отметим, что большинство из них ожидаемо принадлежит Эмме Бовари, главной героине романа,

например: *Est-ce que cette misère durerait toujours ? est-ce qu'elle n'en sortirait pas ? Elle valait bien cependant toutes celles qui vivaient heureuses ! Elle avait vu des duchesses à la Vaubyessard qui avaient la taille plus lourde et les façons plus communes, et elle exéçrait l'injustice de Dieu ; elle s'appuyait la tête aux murs pour pleurer ; elle enviait les existences tumultueuses, les nuits masquées, les insolents plaisirs avec tous les éperdumens qu'elle ne connaissait pas et qu'ils devaient donner* (Flaubert, 2015). / Неужели же, часто думала Эмма, эта пошлая, бедная жизнь никогда не изменится?.. А, между тем, я стою никак не ниже тех, которые живут в счастье. – Я видела в Вобюисаре герцогиню, – и право, стан их был толще и грубее моего, манеры – далеко не так изящны... За что же такая несправедливость?.. И Эмма проклинала определение судьбы, горько плакала, с мучительной завистью думала о шумной жизни, о веселых ариях, о всех безумных наслаждениях с тем упоением, какое должно было заключаться в них и каково она, бедная женщина, не знала... (1858). Из всех девяти переводов только в тексте 1858 г. этот фрагмент полностью оформлен как прямая речь с использованием местоимения первого лица; кроме того, добавлено словосочетание, характеризующее личное отношение к Эмме («бедная женщина»), которого в оригинале нет.

Неозвученные мысли Шарля после неудачной попытки вылечить хромоту конюха Ипполита также приобретают форму внутреннего монолога, где Шарль сначала пытается себя оправдать, а затем рисует свою будущность в мрачных красках, опасаясь потери репутации, состояния, распространения дурной славы, необходимости отбиваться от насмешек и отвечать коллегам: *Quelle mésaventure ! pensait-il, quel désappointement ! Il avait pris pourtant toutes les précautions imaginables. La fatalité s'en était mêlée. N'importe ! si Hippolyte plus tard venait à mourir, c'est lui qui l'aurait assassiné. Et puis, quelle raison donnerait-il dans les visites, quand on l'interrogerait ? Peut-être, cependant, s'était-il trompé en quelque chose ? Il cherchait, ne trouvait pas. Mais les plus fameux chirurgiens se trompaient bien. Voilà ce qu'on ne voudrait jamais croire ! on allait rire, au contraire, clabauder ! Cela se répandrait jusqu'à Forges ! jusqu'à Neufchâtel ! jusqu'à Rouen ! partout ! Qui sait si des confrères n'écriraient pas contre lui ? Une polémique s'ensuivrait, il faudrait répondre dans les journaux. Hippolyte même pouvait lui faire un procès. Il se voyait déshonoré, ruiné, perdu ! Et son imagination, assaillie par une multitude d'hypothèses, ballottait au milieu d'elles comme un tonneau vide emporté à la mer et qui roule sur les flots* (Flaubert, 2015). В переводах 1858 г., Ромма и 1938 г. этот монолог целиком оформлен как прямая речь, видимо, под влиянием исходного *pensait-il* («думал он»). В переводах Чеботаревской, Ромма и 1938 г. имеется разъяснение, где эквивалентом местоимению *il* выступает «Шарль» во избежание путаницы, поскольку в предыдущей фразе речь идёт об Ипполите. В целом во всех переводах членение фраз сохраняется и форма изложения (размышления Шарля) тоже передана.

Отметим, что если во всех приведённых примерах оригинала форма изложения с точки зрения нарратива идентична, то с точки зрения лексики и синтаксиса наблюдаются расхождения. Так, фрагменты, относящиеся к Эмме, отличаются большей синтаксической сложностью (сложноподчинённые предложения, неличные формы глагола, однородные члены предложения) и лексическим разнообразием, что, скорее всего, не стоит считать прямым вмешательством повествователя ввиду того, что Эмма была лучше образована и более начитана, чем те же Шарль и его первая жена. Поэтому мы не можем полностью согласиться с Б. А. Успенским (2000) в том, что повествователь излагает мысли персонажа исключительно в свойственной ему, повествователю, манере.

Что касается переводов, то исходная форма изложения (восклицательные предложения, риторические вопросы, вопросно-ответная форма) в основном сохраняется, но в ряде случаев она передана в форме прямой речи. Вероятно, переводчики прибегают к ней под влиянием исходного текста с НПП, которая заимствует некоторые черты прямой речи и, возможно, в связи с этим не всегда квалифицируется переводчиками как таковая, а скорее расценивается как «недооформленная» прямая речь и поэтому в переводе корректируется и тем самым обретает «нормативный» вид.

Заключение

Итак, НПП представляет собой специфическую разновидность нарратива, которая позволяет передавать как чужие слова, так и чужие мысли; она занимает промежуточное положение между прямой и косвенной речью и нередко квалифицируется как «речевая аномалия» (Долинин, 2010). При переводе НПП вызывает определённые сложности: анализ способов передачи фрагментов с НПП на русский язык показывает, что изоморфизм нарративных составляющих оригинала имеет место не всегда. Обобщим способы, к которым прибегают переводчики, применительно к каждому из двух типов нашей классификации, и сделаем выводы.

1. Передача чужих слов.

1.1 Исходные фрагменты с выделенной курсивом чужой речью передаются наименее изоморфно в плане «оформления»: у большинства переводчиков указания на принадлежность чужих слов, как правило, отсутствуют, за исключением Любимова, который помещает эквивалентные цитируемые фрагменты в кавычки или использует прямую речь, и за исключением Чеботаревской (что вписывается в буквалистский характер её перевода), хотя она не столь последовательна в этом отношении. Что касается синтаксиса, то в переводах 1858 г. и 1881 г. возможен пересказ (а значит, выборочная, неполная передача содержания оригинала) с использованием сложных предложений с однородными придаточными.

1.2 Исходные фрагменты с чужой речью без указания авторства передаются по большей части изоморфно: вероятно, некоторыми переводчиками они вовсе не опознаются как НПП или в их глазах «маскируются» под косвенную речь. Однако в переводе 1858 г. нередко фигурирует прямая речь.

Отметим, что прямая речь в переводах разных лет принимает разный вид: так, у Чеботаревской и Любимова она оформляется в соответствии с современными нормами пунктуации, тогда как в переводах 1858 г. и 1881 г. пунктуационно она никак не оформляется.

2. Внутренний монолог.

В случае передачи внутреннего монолога, т.е. мыслей персонажа, исходная форма изложения (вопросительные и восклицательные простые предложения, вопросно-ответная форма) преимущественно переносится в переводные тексты с сохранением пунктуации, особенно Любимовым. Наиболее существенные расхождения на уровне синтаксиса вновь имеют место в переводах 1858 г., 1881 г., где предпочтение отдаётся косвенной речи, подчас в форме пересказа. Можно предположить, что переводчики исправляют, сглаживают кажущуюся им нарративную «шероховатость» оригинала (приёмы *clarification*, *ennoblement*, *homogénéisation* (Berman, 1999, с. 54, 57, 60)). На уровне синтаксиса происходит объединение нескольких простых французских предложений (восклицательных, вопросительных) в одно русское сложное повествовательное предложение, нередко с однородными придаточными, т.е. наблюдается в том числе нейтрализация экспрессивности. Такая синтаксическая трансформация приводит и к смене типа связи – гипотаксису. Кроме того, в ряде случаев в обоих ранних переводах используется и прямая речь. С другой стороны, в переводах Горнфельда и 1913 г., Ромма и 1938 г. имеется тенденция к использованию более коротких предложений (за счёт замены исходной точки с запятой на точку), возможно, для сохранения эффекта прямой речи, которого не лишена НПР. Описанные расхождения в «разные стороны» в разных переводах могут трактоваться как возможное стремление переводчиков добиться нарративного единообразия, но различными средствами.

Перейдём к особенностям каждого из девяти русских переводов. Их анализ на предмет передачи нарративных составляющих оригинала, в частности НПР, показал, что особенности переводов той или иной традиции не всегда прослеживаются достаточно чётко. Так, в ранних (отнесённых нами к «вольным») переводах конца XIX в. (1858 г., 1881 г.) имеет место, действительно, «свободное» изложение текста оригинала, когда исходные случаи НПР преподносятся в форме косвенной речи (реже – прямой речи), похожей на пересказ, с добавлением глаголов речи или мысли и с соответствующими синтаксическими трансформациями.

В переводах, принадлежащих буквалистской тенденции (Л. Г., Горнфельда, 1913 г. и Чеботаревской), исходная форма изложения ожидаемо в основном передана на русский язык (однако в случае с цитированием только Чеботаревская «подтверждает» принадлежность к буквалистской традиции). Эти выводы не идут вразрез с ранее сделанными нами заключениями относительно особенностей этих переводов (Карапец, 2017).

«Промежуточные» переводы Ромма и 1938 г. изоморфны в меньшей степени: цитирование чаще всего не воспроизводится, но вместе с тем при передаче иных фрагментов может применяться прямая речь; внутренний монолог же передан в основном изоморфно.

Наконец, в переводе Любимова, относящегося к советской школе, НПР в основном сохранена, в том числе с передачей исходного цитирования и иногда с добавлением слов повествователя. В этом отношении его перевод характеризуется высокой долей изоморфизма, в отличие от ряда синтаксических аспектов, исследованных нами ранее (Карапец, 2016).

Таким образом, при переводе фрагментов с НПР задействован целый комплекс факторов, оказывающих влияние на выбор того или иного переводческого решения, не всегда соответствующего с переводческой традицией на момент выполнения перевода. Изоморфное отображение каких-либо аспектов оригинала не означает «зеркальности» в других аспектах. Так, переводы Горнфельда, 1913 г. и Чеботаревской изоморфны в плане передачи пунктуации, но менее изоморфны при передаче нарративных особенностей, связанных с НПР. Перевод Любимова, напротив, наиболее изоморфен с нарративной точки зрения, но специфичен при передаче синтаксических, лексических и пунктуационных аспектов. Иными словами, то, что принято называть в переводе буквализмом, – в действительности более многогранное явление, и передача нарративных составляющих оригинала в очередной раз служит тому подтверждением.

Перспективы дальнейшего исследования. Настоящее исследование можно продолжить и существенным образом расширить благодаря привлечению, например, англоязычных переводов “*Madame Bovary*”. Представляется небезынтересным рассмотреть на их материале варианты передачи фрагментов с НПР и сравнить их с русскоязычными переводами, а затем выявить закономерности передачи НПР на разные языки.

Финансирование | Funding

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00620, проект «Множественные переводы в лингвостилистическом и культурно-историческом аспекте: сопоставительное исследование».

The reported study was funded by the RFBR, research project number 19-012-00620, “Multiple Translations in the Linguostylistic and Cultural-Historical Aspects: A Comparative Study”.

Источники | References

1. Андриевская А. А. Несобственно-прямая речь в художественной прозе Луи Арагона. К., 1967.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.

3. Долинин К. А. Интерпретация текста: французский язык: учеб. пособие. 2010. URL: <http://philologos.narod.ru/dolinin/hermen.htm#d-94>
4. Карапец В. В. Об изоморфизме синтаксических структур в русских переводах романа Г. Флобера «Госпожа Бовари» // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2 (28).
5. Карапец В. В. Переводная множественность: заимствования или случайные совпадения переводческих решений (на примере переводов “Madame Bovary” на русский язык) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. № 5.
6. Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010.
7. Разлогова Е. Э. К проблеме передачи нарративных схем и стилистических фигур в переводе // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 3.
8. Разлогова Е. Э. Об изоморфизме в переводе // Риторика. Лингвистика. 2016. № 12.
9. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000.
10. Флобер Г. Госпожа Бовари. Провинциальные нравы. Мн.: Художественная литература, 1938.
11. Флобер Г. Госпожа Бовари. Провинциальные нравы / пер. с франц. А. Н. Чеботаревской. М.: Азбука, 2011.
12. Флобер Г. Госпожа Бовари. Провинциальные нравы / пер. с франц. А. И. Ромма. М.: Эксмо, 2013а.
13. Флобер Г. Госпожа Бовари. Провинциальные нравы / пер. с франц. Н. М. Любимова. М.: Эксмо, 2013б.
14. Флобер Г. Госпожа Бовари. Провинциальные нравы. Роман Густава Флобера / пер. Л. Г. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1895.
15. Флобер Г. Госпожа Бовари. Роман. СПб.: Русская скоропечатня К. И. Куна, 1881.
16. Флобер Г. Мадам Бовари. Провинциальные нравы. Роман. М.: Польза, 1913.
17. Флобер Г. Собрание сочинений Густава Флобера: в 4-х т. / пер. А. Г. Горнфельда. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1896. Т. 2. Мадам Бовари. Провинциальные нравы. Роман.
18. Флобер Г. Сочинения Флобера. Госпожа Бовари. Роман в трёх частях / пер. с франц. // Библиотека для чтения. 1858. Т. 150. № 8.
19. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянских культур, 2008.
20. Berman A. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. P.: Seuil, 1999.
21. Dujardin E. Le monologue intérieur, son apparition, ses origines, sa place dans l'oeuvre de J. Joyce dans le roman contemporain. P., 1931.
22. Flaubert G. Madame Bovary. Moeurs de province. P.: Hachette, 2015.
23. Gardes Tamine J. La stylistique. 3ème éd. P.: Armand Colin, 2010.
24. Genette G. Figures III. P.: Seuil, 1972.
25. Kurt S. Les traducteurs face au style indirect libre (français-russe, russe-français) // Revue des études slaves. 2002. Т. 74. Fasc. 2-3. DOI: 10.3406/slave.2002.6818

Информация об авторах | Author information

Карапец Валентина Валерьевна¹, к. филол. н.

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Karapets Valentina Valeryevna¹, PhD

¹ Lomonosov Moscow State University

¹ valentinakarapec@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.10.2021; опубликовано (published): 30.11.2021.

Ключевые слова (keywords): нарратив; несобственно прямая речь; внутренний монолог; курсив; изоморфизм; narrative; free indirect speech; internal monologue; italics; isomorphism.